

Г. Д. ГАЧЕВ

Тютчев

Тютчев — самостоятельный Бог-Творец мироздания, дает свой вариант русского Духа и миропонимания и свою ипостась Личности. Вообще нельзя всех мыслителей воспринимать в последовательности: в затылок или в струнку шеренги, равняющимися друг на друга. Нет, каждый снова смотрит на Абсолют — будто до него никого не было, и перепонимает все. Тут как в электричестве: не последовательное, а параллельное подключение; и даже так: независимо-самоначальные родники-источники. Так же мы ныне: я и каждый может и должен так себя понимать — как субъект уникального мировидения, в котором в то же время отзывны все сюжеты и струны и мысли, когда-либо бывшие и сказанные. Потому-то и сказуемы нам так и Пушкин, и Чаадаев, и вот Тютчев, и все потом.

То космообразование, что произвел Пушкин, для Тютчева словно не существует. Этот снова вперен — в Хаос, «древний... родимый», и чует, как под упорядоченным миром Общества и Истории, души и рассудка — «Хаос шевелится» = разорванное бытие; и оттого вечно в его душе тревога, предчувствие катастрофы, ужас. Но в этой зыбкости и безнадежности человек призван сам сотворять твердь:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!

Зачем же так, раз все равно пользы не будет? — спросит здравый смысл. — А затем, что «подвиг бесполезный» — все равно подвиг, и в нем: в превозмогании своего уныния и слабости, привычки на все глядеть из пользы — достоинство личности, и искра Божьего образа в человеке именно так: из свободы — действует.

Но и это лишь одна из возможных мыслей-решений, а у Тютчева их на всякий счет минимум — две. Даже и в этом стихотворении: два голоса в себе же слышит и два разных повеления:

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Больно гладко и уютно сложился мир по Пушкину. Этот же снова чувствует во всем бездну и смуту, угрозу и трагедию. И именно подл День и Свет (то, что божества для Пушкина: Свет, Солнце): День — «сей блистательный покров» над катастрофой Бытия, в Ночи же истина трагедии слышнее. И потому дух, взыскующий правды, к ней повернут: «О, ночь, ночь, где твои покровы, Твой тихий сумрак и роса!..» Ночь — мир души, Психеи, тогда как день — мир материи и вещества, шум и скрежет общественной борьбы и политики. Заглушает, перекашивает прямой, интимный выход души — на истинное бытие.

Потому «Бессонница» ему дорога: тогда слышит «глухие времена стенанья», испытывает сострадание к титанам и богам, к стихиям — ибо вся тварь вздыхает и томится. И человек такой = всечеловек: отзывен всему. Но если Пушкин веровал в Слово, то этот — и слову не верит, а лишь вдумывающемуся Молчанию:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Это — раскольничье самосожжение русского Слова — и когда? В 1830 году, когда в самом зените-акме российское Слово-Творение (Пушкиным). Но Тютчев знает, что говорит, ибо смотрит глубже: взгляд Пушкина универсальнее и совершеннее, но Тютчев маниакально вперен в те аспекты Бытия — трагические, от которых светлый гений Пушкина инстинктивно отворачивается. Пушкин — «аполлоново», светлое, рациональное, мужское, небесно-дневное начало, а Тютчев — «дионисийское» (по терминологии Ницше): хтоническое, мистериально-женское. И потому — «Умом Россию не понять...» Ибо Россия — как раз Космос Хаоса: вся в непонятностях и разрывах постепенности и последовательности. А именно на сомкнутой реальности: в освоенной природе и построенной цивилизации привычен действовать западный ум и рационалистическая логика, которые примерили к нам модель западной цивилизации и истории. И потому для Тютчева построения Чаадаева — это дет-

ский лепет: общественная история — это поверхностная пленка на Бытии, где «Хаос шевелится» и роится жизнь Личности во глубине души: ее внутренние сюжеты, трагедия и любовь...

Чаадаев рисовал свою историософию — без хозяина: Русского Космоса. Сначала надо КОСМОСОФИЮ начертать, а ее функцией уже будет и историософия: назначение, цели и пути движения общества, цивилизации и культуры. Так каков же русский Космос?

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Будто оскорбительно так прописано. Но вот иное слово, им же произнесенное, — золотое слово, со слезами смешанное:

Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

То, что есть слабость страсти и жизненной силы, — тем чутче душу делает, что застенчива, не ищет своего, знает Любовь-Агапе, а не Любовь-Эрос¹.

Во всех мифологиях Небо (Уран) — Муж Земли (Ген), и меж ними страстный Эрос: притяжение и вцепление в любовном объятии, чего плод — жизнь и энергия народа, труда и истории. А тут? Вялость, сон, недвижность, доистория: Время будто не начиналось и не имеет власти. Какая же нелепость прилагать к сему аршин западноевропейских эпох: античность, средневековье, Ренессанс, Новое время и формации, как и П. Чаадаев, потом И. Киреевский (вначале) и послушные гегелисты стали прикладывать и выводы насчет путей России строить!..

А еще и «Бесконечный простор», а в нем — «как точки, как значки», пунктиром рассеяны «невысокие твои города» (гоголевская картина русского Космоса). Значит, в России Пространство — колоссальное, а Время — будто еще и не начиналось. Или, во всяком случае, и ему должна быть дана богатырски-замедленная, а не суетливо-семенящая мера — шажки западноевропейской истории... Их сто лет = наша одна минута. А мы все — нервически торопимся, ускоряем подверстаться...

Да, но и понять человека на Руси можно: у него-то срок отмерен, и живет он столько же: 50, 70, ну — 100 лет, что и человек Запада, так что ему на осмысление личностного бытия и его

проблем подходит логика и язык, выработанный уже вперед ушедшими цивилизациями Европы и Азии (религии и философии Индии и Китая). А Россия-матушка да еще в браке с Кашеем Бессмертным (Дедом Морозом) может не торопиться, ждать, пока медленно, в свой срок и постепенно нальются в ней соки на органическое развитие.

И вот отсюда-то и трагедия и ужас для личности: любовь к Родине — и императив себя полностью реализовать за срок жизни (= познать смысл бытия вообще, построить жизнь в свободе и счастье, в истине и по совести) приходят в кричащий, даже вопиющий, конфликт, из-за разномерности тактов и ритмов.

А еще если учесть, что, наряду с женской ипостасью русского Космоса: Россией, Родиной, Мать-сырой землей, — на ней еще и коллектив Народа и привычка быть и мыслить от «мы», а не «я» — задавливают жизненную волю и энергию личности, то трагизм мироощущения на Руси, выраженный Тютчевым, нам еще неразрешимее предстанет. То-то русские сверхличности творческие: Тютчев, Гоголь, Достоевский, Тургенев — любили любить Россию из «прекрасного далека», живя себе-поживая в Мюнхене, в Риме, Дрездене, в Париже, — и там так славно им творилось: бытом-телом наслаждаясь динамичной жизнью западной цивилизации, а умом-зрением мечтательно уносясь в русские просторы и сыри, в ее кроткую серость и дожди, которые находящегося там, вблизи ее, быстрехонько пригнетали к обломовскому дивану да к жару водочки.., как Аполлона Григорьева, да Мусоргского, да не счесть... А Тютчев дня не мог выдержать в своем имении в Овстуге, где нынче его дом-музей...

Итак, колоссальна разность потенциалов и ритмов и мер — между утонченным дворянско-западным индивидом (как Чаадаев, Тютчев...), бесконечностью их души и творческого духа — и телом России, ее пространством, в прострации лежащим. Эту пропасть позднее точно выразил Некрасов:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина...

Это и к нынешнему времени и ситуации «перестройки» полностью относимо: тут голоса, а там — выжидают и дремлют Дремлюги... и медведи, в берлогах обломовских — обкомовских окопавшись и рога больно ретивым молодым да ранним обламывая...

Но и — парадокс, а и истина! — они максимально соответствуют друг другу: бесконечно тонкий русский дух-интеллект, такой, как Пушкин (Гоголь сказал, что таков будет русский человек в его развитии через 200 лет!² Ничего подобного: именно тогда и был столь могущ и универсален русский человек, а «200 лет» — это просто способ выразить метафорой Времени плотность его душевно-духовного «вещества»), М. Лермонтов, Ф. Тютчев, А. Герцен, В. Белинский, Ф. Достоевский и т. д., — и «вся громадно-несущаяся» Русь. Оттого меж ними такая любовь-ненависть, страсть и ужас. Они взаимно ориентированы, вперены и адекватны. То-то и дивился всегда Запад чуду «славянской души»: неведомой им и непонятно откуда взявшейся из «варварской» сей страны, потрясающей напряженностью исканий ума, глубиной духа и тонкостью — русской женщины в том числе. Тут — как индукция, взаимное навевание сути и смысла на расстоянии, а не притертость, как это привычно на Западе — по логике тождества: универсальный Гёте может себе жить в тысячелетне-культурно-цивилизированном маленьком Веймаре, и вполне уютно себя тут чуют и мощно-европейски-всемирно творить, вертикально-спокойно сидя.

А русские — будто все стронутые, путники: Гоголь лишь в дороге себя «на месте» ощущал; все стремятся куда-то: в столицу, «В Москву, в Москву!» (как три сестры чеховские), — но лишь бы не дать себя засосать энтропии мещанско-болотного, сыроземного места, где сидишь. В путь! «От самой от себя у-бегу!»

Россия постепенно прорисовывается как религиозный объект и сущность, равномогущая христианскому Богу (Троице, Богородице, Софии...). Это уже у Лермонтова («Родина»), у Тютчева («В Россию можно только верить»), у «славянофилов», у Гоголя, у Достоевского, Вл. Соловьева, Блока и т. д. Она действительно, по своей уму непостижимой Бесконечности и трогательности, Величию — и немощи («Ты и могучая, ты и бессильная». — Некрасов), есть плоть Любви, «Тело Христова»; а снег — Покров Богородицы Пречистой: «Край родной долготерпенья, Край ты русского народа!.. Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь Небесный Исходил, благословляя». И недаром народ земледельцев здесь означил себя как «крестьянство» = «христианство»³.

Но эта близость чревата подменой идеалов и смешением вер: ты просто патриот, Родину любишь, а тебе кажется, что ты — христианин, веру Христову исповедуешь и Его учение... Аберрация. И постоянно мы сталкиваемся в русской культуре с па-

радоксом: вселенская духовная религия Личности — христианство («несть элина, несть иудея»⁴) локализуется в плоти «народа-богоносца», нового кумира и Мессии, избранного, — и вот уже задышала горячечно рьяным патриотизмом вплоть до национализма. И это не только у «непросветленного народа», но и у выше просветленного Владимира Соловьева встретим: Церковь Российской империи — как реализатор экуменического идеала Вселенской Теократии... Соблазн и «прелесть». Но что-то тут есть... А именно — Любовь огромная, умиление щемящее. А ведь «Бог есть Любовь»⁵. И кто знает это чувство — «знает Бога» — хотел сказать; но нет: «*может* знать Бога», имеет к Нему подступ...

1991

